

О встрече Петра Первого со шведами на Ладожском озере

Досюль, — еще нас на свете не было, да и деды дедов наших не были, да на свете не жили, а и народа-то на земли была малость мálьская, — цари втупор делили меж собой свои владения. В ты-то поры давние наше место ни заведомо было ни царем, ни боярином, ни лихим человеком удалым; а в лесу зверя разводилося: что ни куст — лисица с куницею, что ни пень — медведь с волчищем; а и рыбы наплодилось — хошь рукой имай аль карцóm черпáй. Полюбилось то наше место привольное царю свейскому. А и Пётра, русской царь, заприметил, что ручьи у нас глубокие, реки долгие — широкие, а морям и нет конца, да и жить у воды способнее; снарядится сам на поиски, на своей лодке крашеной, серебром пораскладеной, золотым рулем приправленной, с боярами да вельможами. А свейский-то царь заспесивился, не поехал сам, а послал за себя начальников в полон забрать ему воду с рыбою, и леса со зверем всякиим, чтоб владеть ему пóвеки. Едет-катит Пётра-царь на поиски, по морю Ладожскому, на лодке с боярами да с вельможами, а и сам сидит в корме, золотым рулем поворачивает, а стречу ему как раз и есть супостат, в лодках писаных, с шелковой покрывкой алою.

Не ясен сокол налетел на лебедь белую, не лебедь смутил воду синюю: то летят, воду рябят, лодки свейские на цареву лодку крепкую, с шумом, свистом порываючись; в мелкой черень искрошить хотят цареву лодку дубовую. Не стерпел тут русский царь, понасупился, очи ясные порассветились, и румянец стал во всю щекú; а и крикнет он бар-вельможам своим: «Поубавим, что ль, спеси у свейского царя? Силой ли сгубить их аль пустить с белым валом пучинистым?» Промолвили тут бóяра: «А и что, царь, брать греха нá душу, хоть и не крещеную, да человеческую; а пусть они умрут от ветра-сивера да валов рассыпчатых». Лишь промолвили бояра, как тутотка взял царь, отвязал от ремня золотой рожок, протрубил на все стороны громким голосом... Разносился голос по морям далекиим, по водам темным. Становилась вдруг тёмень Божия, собиралися ветры в тучу гúстую, расходились воды ярыя — вал вала подталкивает, гребни-ветры им подтягивают. Налетел ветер, посрывал покровы алые, побросал платье пó морю, а тут нагнала их вода ярая — вал живой горой идет-тянется, белым гребнем отливается. Подошел тут первый вал, приподнял стóйма лодки

свейския, а второй вал понакрéнил их, а и третий — уж как тут и был — захлестнул навек начальников. Расступилась вода нáдвое, ушли камнем в топь глубокую души грешные, некрещеные.

С той поры давней на Ладожском по кажинный год на том месте тонет человек, душа крещеная: собирают то, силу утопшие на войну с Петром-царем.

Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5.